

"Победа! Сердцу сладкий час!
Россия! Встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий власс!..."
А.С. Пушкин

КАРИНЫ Василия Нестеренко можно использовать в качестве иллюстраций к учебникам истории. Всё на месте: погружённость автора в военные реалии, филигранная техника живописи, патриотический настрой. Единственное, чего не достаёт, — капельки живого лиризма, какой был у советских мастеров. Но это только мои дамские придирки — сотовать на то, что романтизм отсутствует, уже как-то неприлично.

Время борьбы и выбора, но до сантиментов: если художник на нашей стороне, да ещё и кистью владеет, он уже великолепен. Тот факт, что в самом центре Москвы, на самой престижной арт-площадке работает выставка Нестеренко "Мы — русские, с нами Бог!" — это небывалый социокультурный взлёт. Неслучайно деятель околосовских искусств Константин Богомолов-Собчак обрушился на особей из псевдоинтеллигентной тусовки: дескать, не хотят замечать перемен, умоляя вернуть гламурно-расслабленную Belle Époque "до 24 февраля 2022 года", прячутся, отрицают, впадают в депрессию.

Однако я не верю Богомолову — заурядное переобувание в прыжке — но верю Нестеренко, ибо если живописец десятилетиями воспевал Русь-Россию, преодолевая злое давление "трендов" и "брендов", он достоин, чтобы его слышали, видели, знали. На вводном стенде — вежи творческой биографии, плюс фотография самого Нестеренко, одетого в камуфляж и пишущего с натуры.

Принято называть "современными художниками" каких-то придурочных недо-гениев с мятными рожами и такими же смыслами. На деле современен Василий Нестеренко — его полотно "Защитники Новороссии" является точкой сборки всей экспозиции, да и нашего

СЛАВА РОССИИ

О выставке Василия Нестеренко в Манеже

бытия. Изумительна композиция, в её центре — некая девушка с символикой "Z", чьё снаряжение похоже на доспех, а весь облик напоминает Жанну д'Арк. Нестеренко постоянно обращается к историческим преемственности и не только русской, но и общемировой.

На эту выставку надо водить школьников, проводя их по всем пунктам коллективной биографии. Так легче усваиваются даты, кажущиеся бессмысленными от простейшей долбежки-зубрежки. "Клятва князя Пожарского" и "Молитва Сусанина" смотрятся как диптих и транслируют мысль о народном единении в годину Смуты и польского нашествия. Сейчас об этом говорят в применении к спецоперации, но пока общество разрозненно: интеллектуалы-историки презирают бизнесменов и блогеров, а те, в свою очередь, не выносят "книжников" и "нищевродов с тремя дипломами"; красные катят бочку на белых — да-да, по сию пору — а белые подписывают петиции, дабы старинный Бахмут не сделался опять Артёмовском; работают — те вообще не в курсе и лишь мрачно ненавидят "смузи-веганов с синими волосами!".

Никто ни с кем не хочет объединять усилия — все против всех. Эффектно смотрится "Избавление от смуты", причём бросятся в глаза композиционная чёткость: русские войска идут мощным тараном на польскую шляхту, и это напоминает знаковый плакат супрематиста Эля Лисицкого "Клином красным бей белых!" Удачные произведения роднит вовсе не стиль, а внутреннее содержание.

А вот и Галантный век — эра свершений, когда, по словам поэта, "Россия молодая, / В бореньях силы напрягая, / Мужала с гением Петра". Царь-плотник в кратчайшие сроки сматерил первейшую державу, и несмотря на то, что Москва не считалась медвежьим утлом, как утверждают либералы, всё же до ведущего игрока в общевропейских полит-играх ей было далеко. Пётр изменил судьбу континента. "Триумф российского флота" — рассказ о том, что задача номер один, — это "Ногою твердой стать при море".

Ветрено, холодно. Воздух уютной и тревожащей новизны. Дамы с высокими причёсками а-ля Фонтанж, кавалеры-вельможи в париках-аллонж. Сподвижники, корабельи и солдаты. Поодаль — императрица Екатерина, взятая Петром из социальных низов, как бы в пику и местным боярам, и бархатно-кружевным друзьям-курфюрстам, чьи роды велись от тевтонских вождей или самого Одина.

С ТОЛЬ ЖЕ величаво полотно "Москва встречает героев Полтавы". В наши дни мотив Северной войны, где "начинающий" стратег Пётр одолел знатного воюку-викина Карла XII приобрёл особый резон: Украина как поле битвы, где Малороссия выступала лишь как повод, а по факту это — война с западным колоссом. Значительное место в творчестве Нестеренко занимает фигура Александра Суворова, одного из самых результативных полководцев XVIII столетия. "Храбрые бессмертны" — портрет военачальника с отнюдь не героической наружностью, по поводу коей любил шутить придворные зубоскалы. Название картины — перефразированное изречение: "Смерть бежит от сабли и штыка храброго".

Одна из главных страниц в учебнике истории — война с Наполеоном. О ней Лев Толстой предельно ясно поведал в своём

романе "Война и мир": "Люди Запада двигались на Восток для того, чтобы убивать друг друга. И по закону совпадения причин подпадались сами собою и совпали с этим событием тысячи мелких причин для этого движения и для войны".

В экспозиции мы наблюдаем "Гибель нашествия" — мёртвые и полумёртвые французы (а может быть и поляки, вставшие под знамёна Бонапарта, или ещё какие-нибудь подмятые и мобилизованные европейцы), лежат в снегу, созрацаемые русским солдатом и его командиром, поодаль — кони-люди и пространство, которое так напугало захватчиков.

Снова линия общественного единения, той самой "дубины народной войны" из эпопеи графа Толстого: простолюдин и аристократ не являются антиподами, находясь по одну сторону. Их цель — освободить Родину. Сюжет — многослоен. Перед нами момент истины: русские не собираются добывать врагов, оставшихся в живых, а гибель нашествия не означает гибель души.

Василий Нестеренко не ограничивается стандартной тематикой, и ряд картин повествует о Первой мировой войне. Эта жестокая бойня оказалась "в тени" у Второй мировой и Великой Отечественной. К тому же у нас она перетекала в революцию с воследовавшей за ней гражданской бойней. Потому Первую Империалистическую, как называли её в советской историографии, освещают мало и скудно (у англичан период именуется The Great War, что указывает на его значимость). Это и есть тот редкий случай, когда не стыдно поучиться у Запада.

Полотно "С нами Бог!" — героическая страница русской биографии, так называемая атака мертвецов, или по-другому — Осовец. То был небывалый и нечеловеческий прорыв 13-й роты 226-го Землянского полка 24 июля (6 августа) 1915 года в условиях немецкой газовой атаки. На врага бежали смертельно отравленные люди, которые по идее не могли двигаться. Тот газ действовал самым чудовищным образом: изо рта и носа текла кровь, парализовались конечности, люди слепли, а выжившие оставались инвалидами.

Противогазы были несовершенными, да и выдавались не всем — большинство солдат обматывали рот-нос материей. Немцы впоследствии вспоминали, что это казалось сценами Прейсподней: на них неслись русские с окровавленными бинтами на лицах, что и отразил Нестеренко. У него всё эффектно: хоруговь, офицеры с красивыми очами, штыки-сабли. Впрочем, свойство любого искусства — эстетизировать ад и создавать легенды.

СРЕДИ РАБОТ, посвящённых Великой Отечественной, особняком стоит "Непокорённый" — портрет ветерана Юрия Омичёвча. Это не абстрактно-вымысленный персонаж, но конкретное лицо. Тут всё сосредоточено в глазах старика, прошедшего боль, потери, ужасы и триумф. Пожилой матрос в регалиях неласков и глядит на мир жёстко. Читается: "Кто к нам с мечом придёт — от меча и погибнет".

Нестеренко живописует и современность, в чём мы уже смогли убедиться на примере полыхающей "Новороссии". Роскошен трип-

тих "Сирийская земля", и эти работы перекликаются с передовицами Александра Проханова и его ключевой фразой: "Нынешние события в Сирии — это часть огромного арабского ренессанса".

Только ли битвы и победы волнуют мастера? Удивительны его детские портреты. Если просуммировать, Нестеренко разрабатывает образ "кравпинского" мальчика. Писатель Владислав Крапивин выявлял типаж — интровертного пацана со шпалгой, каравеллой и флагом. Сей юноша не от мира сего, точнее, "вещь в себе", но при этом включён в исторические процессы. "Гусарская баллада" — отрок в гусарском ментике на фоне батального полотна; "Мечты о море" — подросток в матросском костюме вдумчиво глядит на модель парусного корабля, а за окнами, в дымке — мощь современных военно-морских сил.

Отдельным пунктом — натюрморты, и они, разумеется, патристические. Атрибуты и регалии, бюсты полководцев и детали обмундирования. "Портрет Суворова" — бюст полководца, гренадёрская шапка и палаш; "Наша слава — русская держава" — кивер, двуглавый орёл, барабан 1812 года; "Мы — русские, с нами Бог" — повторное проживание темы Осовца, но уже на неком личном уровне: фотография, ордена, фуражка; "Оружие победы" — сказ о воинах Великой Отечественной, причём автор подчёркивает, что советский человек не был атеистом и в битвах помогала вера.

НЕСТЕРЕНКО ХОРОШ и как пейзажист. Здесь он даёт волю чувствам и выступает как лиричный бытописатель красот. Пышна "Осень в Печорах" — тут ощущаются и свежесть воздуха, и прозрачность неба, и пронзительно-прощальная желтизна листьев. Эта картина — символ России глубинной. Нет времён, а есть вечность. "Утренний благовест", "Пристань Свято-Пантелеимонова монастыря", "Весна на Афоне", "Соловки, Канун Преображения" — эти пейзажи — логический переход к религиозным сюжетам Василия Нестеренко. Они занимают серьёзное место в его творчестве. Как и большинству русских и западных художников прошлого, библейская тематика была не чужда Нестеренко. В конце 1990-х он трудился над восстановлением росписей Храма Христа Спасителя. Его рукой выполнено оформление Северо-западного пилона — "Воскресение Христово", "Святой Апостол и евангелист Матфей", северного тимпана — "Крещение Господне", западного тимпана — "Вход Господень во Иерусалим". Выполнены четыре иконы Богородичного цикла, престольная "Плащаница", а также картины для Патриаршей трапезной: "Тайная вечеря", "Чудесное умножение хлебов", "Чудесный улов", "Брак в Кане Галилейской", "Христос и самарянка".

Недавно Александр Проханов высказал своё мнение относительно искусства: "Как печальные выставки современных художников, представляющих свои бытовые зарисовки, умильные семейные сцены, трогательные пейзажи с церквушками, милые натюрморты с цветами и яблоками. Будто в Донбассе не льются слёзы и кровь, не ревёт артиллерия, не падают самолёты с предсмертным криком лётчика: "Прощайте, мужики!"

Экспозиция Василия Нестеренко — подтверждение обратного, хотя, конечно, его "Новороссия" погоду не делает. По какой-то неведомой причине "образ сегодняшней, расправляющей крылья России" — тут я снова цитирую Проханова — массово так и не возник. Надеемся, что опыт Нестеренко будет полезен художникам, ваятелям, кинематографистам, и, как сказал Наше Всё, правда, по иному поводу: "Его пример — другим наука".

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: «Защитники Новороссии». Художник Василий Игоревич Нестеренко. 2023 г.

БЕЗ ЧУВСТВА ДОМА НЕТ ПОБЕДЫ

Дьявол кроется в деталях, время — деньги, Спицы вяжут что угодно, кроме пиццы, Выбор шире, чем перила и ступеньки, Мне воруго не милей, чем кровопийцы.

Обожаю басни дедушки Крылова, Всё там ново, и свежо, и без натуги. Дьявол кроется в деталях, нить сурува, Кровоийцами становятся воругои,

Воропийцами становятся кровюги, Истребитель рядом с ними — бранзулетка. Дьявол кроется в деталях, за услуги Он берёт живыми душами нередко.

Души мёртвые свободной, чем живые, — Там совсем не то, что вам говорили. Я живу на этом свете не впервые, Афоризмы — это штампов эскадрильи,

А цитаты — как таксисты на подхвате, Повезут в любую сторону, мурлыча, — Всё до фенки ей, классической цитате, Дьявол кроется в деталях безразличья.

*

Не дай Господь — звездеть и упиваться Восторгом от звезденья своего, Как знаменитость, выдающаяся цаца, Портрет которой знают все — до одного!..

Действительность жестока и кровава, Её кровавая жестокость — капитал, Дождь золотой, добыча, роскошь, слава Для тех, кто грабил, гробил и пытал.

Не дай Господь — вертеть такую мясорубку!.. Плывём в ковчеге Родины... Из благ Пошли нам белую летящую голубку, Чья веточка оливы — вещий знак,

Что наш ковчег непотопляем, близко — берег: Голубка — с берега и веточки прилёт! Строка — "В Россию можно только верить" — Ковчег, в котором наша Родина плывёт.

"КОГДА МОСКВА, КАК РИМСКАЯ ВОЛЧИЦА..."

Когда Москва, как римская волчица, Вас выкормила волчьим молоком И выликала волчьим языком Амбиций ваших имена и лица, — Тогда не подло ли кусать её сосцы, Чтоб отличиться на своём

культурном фронте?.. И сколько свинство ни одеколоньте, Лишь свинством пахнут свинства образцы.

Когда Москва, как римская волчица, Вас выкормила волчьим молоком И весь волчатник ваш одним ползком В Москве пошёл за славою волчицы, — Тогда не ваше ли презрение к Москве, Которое сегодня стало модой, Является культуры волчьей мордой В неблагоприятной вашей голове?..

*

Во время чумы крестьянин босой Чумное пятно увидал на икре Ноги!.. Помогли! "Господь, помоги!" — И срезал чумную заразу косой!.. Он был грамотеем на скотном дворе, Крестьянин такой от чумы не помре!

История эта весьма знаменита, Она — необъятна, и вот почему: Крестьянин, с ноги отрезав чуму, Отрезал сомненья, что выжить ему От Господа Бога дано по уму, И это — высокая очень защита!

От Господа Бога даётся судьба, Которая верить в себя не слаба, — И образ чумы от себя отсекая, Спасётся страна, если вера такая — В её Человечести, в каждом дворе!.. Такая страна от чумы не помре!

"Я С ГЕНИЯМИ ВОДКУ НЕ ПИЛА..."

Я с гениями водку не пила И близко их к себе не подпускала. Я молодым поэтом не была, Слух не лелеяла и взоры не ласкала.

На цыпочках не стоя ни пред кем, Я не светилась, не дышала мглою И свежестью не веяла совсем На тех, кто промышляет похвалойю.

И более того! Угрюмый взгляд На многие пленительные вещи Выталкивал меня из всех пледд, Из ряда — вои, чтоб не сказать похлеще.

И никакие в мире кружева Не в силах были напугать тумана И мглою мои окутать жернова И замыслы бурлящего вулкана.

Так бог помог мне в свиту не попасть Ни к одному из патриархов Музы, Не козырять его любовью влады, Не заключать хвалебные союзы,

*

Так думаю и так я говорю Ну нет! Молчать, потупив кроткий взор, Холуйствовать в расчётливой надежде, Что надоест молоть бездушный вздор Донельзя развращённому невежде, — Не это ли убиственный позор? Стоять на полусогнутых ногах, Гасить улыбой злое раздраженье В надежде, что в каких-то там веках Ты отомстишь за это униженье? Дремучее какое заблужденье!

Нет, нет и нет! Взгляни на дураков, Геройство променявших на лакейство, —

Ни за какую благодать веков Попасть я не желаю в их семейство! Свой грозный век

на золотой сменять? Моей душе противна эта сделка!

Вихляться вдохновенно и линять? Как это нерасчётливо, как мелко! Так думаю и так я говорю, И так я буду говорить и думать. Ведь я — как все: витаю и парю От счастья, что нельзя мне в душу плюнуть!

ТАКИМ ОБРАЗОМ

Край облака звёздами вышит. Сердца сокрушая святош, Татьяна Онегину пишет, Компьютер у ней "Макинтош". На раме его монитора Надкушен соблазна портрет — То яблоко змея и вора, Тот плод, на котором запрет. Онегин на лошади мчится, Компьютер его — поумней, Он — денди, он — та ещё птица, Он обрендил от желчных камней. А Пушкин лежит на диване, Компьютер его — в лопухах, Туда и диктует он няне Роман гениальный в стихах. Он Тане сваял генерала, Как собственной, кстати, жене, — Кому-то покажется мало, Онегину — хватит вполне, С компьютером "Пентиум Третий" Он выглядет будет ослом, В малиновом встретив берете Татьяну с испанским послом. А Пушкин лежит на диване, Компьютер его — в лопухах, Туда и диктует он няне Роман гениальный в стихах. Он дедушку любит Крылова, Который, как девушка, чист, Когда засыпает в столовой, Свистя, как бродячий артист. В квартире Крылова нечисто, И в сале его седина, Где бегает мышка для свиста Вещич, не имеющих дна. У Пушкина плохо с деньгами, Крылов излучает латынь, Онегин украшен рогами, — Такой вот компьютер гордыни! Что Бродский, Довлатов, Овидий?!. Европа их видела, да. А Пушкина Лондон не видел, Не видел Париж никогда. Народы садятся в карету, Чтоб где-то на западе слезть, А Пушкина нету и нету В Европе, где всё уже есть. А Пушкин лежит на диване, Компьютер его — в лопухах, Туда и диктует он няне Роман гениальный в стихах.

*

В худший день, где отовсюду Вести, гадкие насквозь, — Чисть картошкой, пол посуду, Борщ вари, лежи простуду, В стирку что-нибудь забрось, На дыру пришей заплату Из цветастого куска, На письмо ответь собрату, Боль которого близка!.. И, частушку напевая Хулиганской красоты, Будь — как в детстве звон трамвая, На котором едешь ты Сквозь трагедию и драму — Там, где мама мыла раму Лет, которые сильна Подвергать стыду и сраму Русофобская свинья!..

Ты звени трамвайным звоном, Божий свет благодари, Накипь чайника лимоном Отмывая изнутри В худший день, где отовсюду Вести, гадкие насквозь. Я всегда кошмары буду Выдирать, как ржавый гвоздь! Волю к Жизни не позволю Закошмарить, размолоть. Соль Земли, останься солью, — Да хранит тебя Господь!

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО (воспоминание о Великой Отечественной войне)

Да что вы знаете про нервную нагрузку?.. Противогаз. Воздушная тревога. Бомбоубежище. Сощёт младенец блузу, Нет молока, но в блузке есть немного.

Бинты кончаются. Кончаются носилки. Наркоз для раненых — бутылки русской водки. Особо ценятся окурки и обмылки, А также ватники и толстые подмётки.

Мы отступаем, но за нами — Чувство Дома, И страшной силой обладает это чувство, Оно и есть военное искусство! А без него — страна пылает, как солома.

Я в первом классе, шьём кисеты для махорки, Они на фронте приближают час победный. Победа курит, нет в её подкорке Сейчасных надписей про табачок зловердный.

Победа курит, не давая спуску Жесткой битве дьявола и Бога. Бомбоубежище. Сощёт младенец блузу, Нет молока, но в блузке есть немного. Мы победим, за нами — Чувство Дома, И страшной силой обладает это чувство, Оно и есть военное искусство! А без него — страна пылает, как солома.

...Без Чувства Дома — нет Победы, есть убийство.

Юнна МОРИЦ

ГОЛОВИН

Человек не нашей Вселенной

Мы продолжаем презентацию проекта "Светочи", размещённого на сайте zavtra.ru. Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

ЕСЛИ ОДИН И ТОТ ЖЕ эпизод из жизни Евгения Всеволодовича Головина (26.08.1938 — 29.10.2010) возмущает описывать двое очевидцев той ситуации, то вы услышите два абсолютно разных рассказа. Подозреваю, что если бы эти очевидцы имели возможность снимать на видео описываемое ими происшествие, то вышло бы вовсе не два ракурса, а два фильма, с совершенно не похожими друг на друга сюжетами.

Поэтому нет смысла, говоря о Головине, рассматривать какие-то биографические факты — мы только лишь дадим свой вариант его биографии, который, как и все другие варианты, будет иметь мало общего с той бесконечной чередой экстраординарных событий, из которых сложалась его жизнь. Стоит лишь отметить: если большинство людей плывёт по течению причинно-следственных связей, а меньшинство "бросается в омут с головой", то Головин в совершенстве владел искусством навигации и в указанных течениях, и в упомянутых омутах. В этих внешне хаотичных, эклектических событиях есть потаённая внутренняя логика, но она столь нелинейна и многовекторна, что осмыслить её весьма проблематично. Но ещё сложнее, появя суть, пересказать её на известных человечеству языках.

Александр Гельевич Дугин вспоминает, что у Головина была стопка рукописей, черновиков, которую он тщательно оберегал от посторонних глаз. Думается, что в тех записях Евгений Всеволодович и сам пытался сформулировать алгоритм этой бешеной логики, а его публичные лекции, стихи, переводы, статьи, книги — лишь рабочие материалы этого титанического труда. Ведь все публикации Головина начинаются как бы с полуслова, а заканчиваются как бы многоточием; они не имеют ни вступления, ни финала, что даёт нам право предполагать: они все являются фрагментами чего-то фундаментально грандиозного.

Темы, поднимаемые Головиным, у многих вызывают недоумение. На то, что в обычной жизни нам кажется нормальным и важным, Е.В. вообще не обратит ни малейшего внимания. То, что нам покажется удивительным и невероятным, для Е.В. — это азбучные истины, элементарные трюизмы. Головин буднично делится с нами этими "банальностями", параллельно занимаясь чем-то ещё более неведомым. Мы отмахиваемся: "Да зачем нам всё это? Стоит ли забивать себе голову столь сложными концепциями?" Но случается, что иногда мы вытаскиваем эту самую голову из навоза повседневности, и понимаем: Головин абсолютно прав. Всегда прав.

ЕВГЕНИЮ ВСЕВОЛОДОВИЧУ посвящено довольно много трудов абсолютно разных людей, благодаря чему многим, некогда заглодею, стало осмысленным и очевидным. Посему неочевидное: Головин — европеец. Нет, живёт он по русскому принципу "где родился, там и пригодился", но он европеец до мозга костей, до кончиков нейронов, до субатомных частиц. Однако в его жизни мы видим настоящую Европу, а вовсе не то, что с презрением наблюдаем сегодня западные границы нашей страны.

Головина представляют то каким-то эллинистичным вохвом, то средневековым алхимиком. Очевидно, что Головин — человек не нашей вселенной, но помещать его персона в прошлое категорически неправильно (в летающую тарелку — тем более). Внимательно изучая его тексты — не один, не два, а все его тексты — мы отчетливо разглядели в них европеизм эпохи Ренессанса. Только это другое Возрождение, другой Ренессанс; не тот, каким он был, а тот, каким он должен был быть; Ренессанс, который вместо истерического отрицания Средневековья, гармонично соединил в себе Средневековье с Античностью и синтезировал из них третий путь, дополнил европейский, лишённый хрематистского обожествления материального. Такой Ренессанс всё равно порождает Модерн, но это, опять же, иной Модерн, напорч извальныйный от влияния ближневосточного культа Золотого Тельца.

Головин современен и адекватен современности, с той лишь поправкой, что он живёт в неискажённой современности, где история прошла свой естественный путь, в отличие от нашей истории, которая как раз где-то в период Ренессанса дала сбои. И Головин иногда трагически, а чаще иронически переживает этот момент, когда у нас всё пошло наперекосяк, когда у нас украли и перепродали будущее.

Нам достари до головинской вселенной возможность, видимо, не представится: там капитализма не было никогда, так как для его появления не сложилось никаких предпосылок. И вот какой парадокс: именно в этом, по-видимому, и кроется причина непринятия Головиным советской власти, ведь если бы капитализма не существовало, то не появилось бы и его марксистского отрицания, которое на поверку оказывается оборотной стороной всё той же медали, в чём мы могли воочию убедиться в 90-х.

Е.В., конечно же, не оперирует терминами "капитализм", "социализм" или "марксизм", это понятия экономические, вот и оставим их Золотому Тельцу — в лексиконе Головина таких слов вообще не содержится, потому что сакральное не является товаром. Любая мысль, сформированная Головиным, падали она на "Рен ТВ", к экстрасенсам, сектантам, коучам и прочим шарлатанам, превратилась бы в эпатажную сенсацию, в кричащую профанацию и в неиллюзорный гешефт. Хорошо, что они ничего не поняли своим кассовым аппаратом, заменяющим им головной мозг.

Кстати, в быту Головин был довольно аскетичен, потому что, пребывая "в иной перспективе бытия", не имеет смысла привязываться к матери. Обычного человека такая позиция привела бы к маргинализации и превращению в какого-нибудь замшелого "толкиениста", поросшего грибом и лишайником, асоциала, замкнутого на своих комплексах. Так бы и произошло, если бы не масштаб той личности, о которой мы здесь повествуем. Ибо это вовсе не личность, а что-то несравнимо большее.

Головин пренебрегал личными внешними форм, уделяя внимание только внутреннему содержанию и тотально игнорируя любые имитации. Головин заимствовал из истории "не пепел, а огонь" (прибегнем к терминологии Жана Жюреса), и этот огонь реально жёгёт. Вселенная Головина не фантазия, но фанатия, которая не оторвана от физической реальности, но, оставаясь трансцендентной к физической реальности, незримо влияет на последнюю, внося в неё качественные изменения. И одним из мощнейших инструментов такой коррекции, несомненно, является поэзия.

ЦИКЛ ЭССЕ Евгения Всеволодовича в "Завтра" о хорошо известных всем нам поэтах позволил взглянуть на этих авторов с весьма нетривиальной стороны. Головин мастерски показывает нам внутреннюю природу поэзии, которая либо скрыта столь глубоко, что мало кто возмётся копать до самой сути, либо, наоборот, лежит прямо на поверхности, по принципу "хочешь спрятать — положи на самое видное место". Истина бывает столь очевидна, что люди просто не обращают на неё внимания, пока их не ткнётся в неё носом. А головинский метод познания истины достаточно прост: никакого "эззо", только "эзо", даже если речь идёт об эстетике.

Раскрыть трансцендентное в имманентном помогает эзотерика, которая сама по себе является предельно неординарным учением. Но речь идёт о Головине: насколько совершенно предсказуемо, настолько же и совершенно внезапно, даже и здесь нас ждёт невероятный поворот сюжета (всё же придётся пересказать одну историю). По свидетельству Гейдара Джамалая, первичным источником эзотерических знаний юного Жени Головина чудесным образом стал красный командарм Котовский. Соплатисся, вы ожидали увидеть сейчас любую другую фамилию, но никак не эту. Вот и я тоже смотрел тогда на Джамалая окружившимися глазами.

Один из самых отможенных героев Гражданской войны, член Реввоенсовета СССР, человек-легенда, ещё при жизни ставший персонажем фольклора, Григорий Иванович Котовский имел хобби: коллекционировал магическую литературу. После таинственного убийства Григория Ивановича (а материалы следствия по этому делу до сих пор засекречены) его библиотека ценнейших и древнейших фолиантов была расхищена, однако часть книг всё же была вывезена каким-то родственником Котовского, чей сын был сверстником и соседом Евгения Всеволодовича. Эта история так головокружительно невероятна, что покачаться сценарием какого-то вестерна. Но потом мы вспоминаем, что живём в России — в волшебной стране, где возможно всё.

Михаил МОИСЕЕВ